

Малый театр
14-8 марта 1936

Н. И. МУЗИЛЬ

Девяносто пять лет назад (1841 г.) Н. И. Музиль родился, семьдесят лет назад он был принят в труппу Малого театра и тридцать лет назад (1906 г.) он умер. Тройкий повод еще раз вспомнить прекрасного артиста хоть принадлежит он к числу тех художников, которые помнятся без всяких дат и вне всяких поводов, в силу их значения в истории русского театра.

Я, как и многие из видевших Музиля — старого повара в «Плодах просвещения», не могу забыть его в этой роли. Из памяти не выходит хмурый человек с вдавленной грудью, с испитым лицом, с протитым голосом, с измученными глазами, воспаленными от долголетнего стояния у раскаленной плиты. Он был страшен, — эта жертва барского чревоудования, этот подневольный слугинья вечного огня господской кухни.

Музиль не играл страшного человека, он показывал просто повара в отставке, но его дорбосовестнейший художественный анализ роли не упустил ни одной черты в верно наблюденном облике, не пренебрег ни одной краской в его отображении и **характерное превратилось в Музиле в страшное.** «Плоды просвещения» играли в Малом театре в 90-х, в 900-х годах весело, может быть, слишком весело. Льву Толстому не понравилась эта веселость, явившаяся следствием поверхностного понимания пьесы. Автору понравились те, кто были проще, правдивей и глубже тех исполнителей, которые создавали впечатление этой легковесности и веселости — ему понравились А. П. Ленский — профессор. О. О. Садовская — кухарка и Н. И. Музиль — повар.

Музиль не был артистом трагедии, но он создавал в старом поваре трагическую фигуру. Если бы показать эту фигуру теперь, в наши дни, мы подивились бы тому, какой прочный и верный смысл сообщал Музиль своей роли. Тогда, в те далекие годы,

этого смысла не умели или не хотели заметить, но он-то и придавал интерес и крепкую основу всей роли.

И другая, противоположная фигура: князь Тугоуховский в «Горе от ума». Комический персонаж у Музиля, конечно был смешон, особенно в неподражаемом комическом дуэте с О. О. Садовской — графиней-бабушкой. Но комическое и характерное у Музиля всегда было исторически-конкретным. Так, еще на заре его сценической деятельности, маска простака спадала с его Митрофана («Недоросль») и на свет глядел тупоголовый, но вооруженный здоровенными кулаками, звереныш дворянской крепостной усадьбы. Так и из смешного Тугоуховского у Музиля глядела такая ветхость ума, такое сиятельное ничтожество, что вдруг вспыхивала у зрителя мысль: а ведь эта ходячая ветхость во фраке может, имеет власть запереть целую деревню. Комическая фигура, превратившись в историческое явление, напомнив мерзкое и злое, связанное с ним, делалось жуткой, почти страшной.

И третья фигура — Самой Салтанч в «Последней жертве» Островского. Эту роль Музиль получил из

рук самого Островского. Глядя на актера, было понятно, почему Островский так дорожил Музилем как исполнителем характерных ролей в своих пьесах. Не то было важно, что Музилю удавался «восточный человек», а то, что в этом старике с безукоризненным бельем и с весьма укороженнейшей профессией он зло, безжалостно показывал паука-ростовщика. В великолепный ансамбль «Последней жертвы» (Ермолова, Садовские, Ленский, Рыбаков) Музиль вносил острую жизненную ноту. Она была там необходима: ведь эта нота нагло звучала в самой жизни.

Ни натуралистической, ни нарочитой чертежной схемы никогда не знало творчество Музиля. В руках его всегда были палитра и кисти художника, а не аппарат фотографа. Наблюдая, он обобщал: анализируя, он сводил элементы к целому. От этого в лучших своих созданиях он шел к прекрасной ясности образа. В труднейшем театре Пушкина Музиль принадлежал к числу редких удачливых: его юродивый в «Борисе Годунове» остался классическим образом пушкинского реализма; при глубокой выразительности, при силе эмоционального захвата образ был доведен до ювелирной чеканки, до предельной лаконичности: краскам было тесно, а образу — просторно.

Это и есть творческий прием Музиля в его лучших ролях. «Какой у него тон. Сама жизнь» воскликнул Островский, увидев молодого Музиля в одной из своих пьес.

Через тридцать лет свидетели творчества Музиля вспоминают этот тон — и он радует высоким волнением, источник которого один, только один: художественная правда.

С. ДУРЫЛИН.